

**Памятники удмуртской письменности:
неизвестные переводы «Молитвы на сон грядущим»
и «Псалма Давыдова пятидесятого»**

А. А. Туранов
*ООО «Горизонт»,
г. Ижевск, Российская Федерация,
at63@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Общий объём всех известных связанных текстов на удмуртском языке, выполненных в XVIII – начале XIX вв., не велик, их авторство не установлено. Поэтому для изучения истории становления удмуртского литературного языка выявление и введение в научный оборот ранних удмуртских текстов весьма важно. Статья посвящена ранее не известному переводу на удмуртский язык двух христианских текстов, выполненному в 1803 году.

Цель: раскрыть возможность использования в качестве источника в исследованиях начального периода становления удмуртского литературного языка вновь выявленного памятника удмуртской письменности: перевода на удмуртский язык «Молитвы на сон грядущим» и «Псалма Давыдова пятидесятого».

Материалы исследования: делопроизводственные документы Глазовского духовного правления за 1803 г., хранящиеся в Центральном Государственном архиве Удмуртской Республики.

Результаты и научная новизна. В процессе изучения истории создания переводов, выполненных в Вятской епархии по указу Святейшего Правительствующего Синода от 22 января 1803 г., автором обнаружена ранее неизвестная рукопись с переводом на удмуртский язык «Молитвы на сон грядущим» и «Псалма Давыдова пятидесятого». Перевод был выполнен в Глазовском уезде священниками Никифором Невоструевым и Захарием Кротовым осенью 1803 года. Однако в Синод этот перевод отослан не был, вследствие чего остался неизвестным – считалось, что названные тексты на удмуртский язык не были переведены. Найденная рукопись представляет собой оригинал перевода, исполненный рукой самих переводчиков; в тексте перевода имеются исправления, выполненные в процессе работы над переводом и отражающие их творческий поиск. Таким образом, в научный оборот впервые вводится ранний текст на удмуртском языке, авторство и история создания которого точно известны.

Ключевые слова: удмуртский язык, перевод, рукопись, памятник письменности, христианский текст, молитва, переводчик.

Для цитирования: Туранов А. А. Памятники удмуртской письменности: неизвестные переводы «Молитвы на сон грядущим» и «Псалма Давыдова пятидесятого» // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 332–339.

**The monuments of Udmurt writing: unknown translations of
«The Prayer for Sleep» and of «The Fiftieth David's Psalm»**

A. A. Turanov
*Gorizont LTD,
Izhevsk, Russian Federation,
at63@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the total volume of all known connected texts in the Udmurt language, made in the XVIII – early XIX is not large, their authorship is not established. Therefore, to study the history of formation of the Udmurt literary language, it is very important to identify and introduce early Udmurt texts into scientific circulation. The article is devoted to the previously unknown translation into the Udmurt of two Christian texts, made in 1803.

Objective: to reveal the possibility of use the newly identified monument of Udmurt writing as a source in the research of the initial period of formation of the Udmurt literary language: the translation into the Udmurt language of «The Prayer for Sleep» and «The Fiftieth David's Psalm».

Research materials: the office documents of the Glazov Spiritual Board of 1803 stored in the Central State Archive of the Udmurt Republic.

Results and novelty of the research: in the process of study of the history of creation of translations made in the Vyatka Diocese by the decree of the Holy Governing Synod of January 22, 1803, the author discovered a previously unknown manuscript with a translation into the Udmurt language – «The Prayer for Sleep» and «The Fiftieth David's Psalm». The translations were performed in Glazov District by priests Nikifor Nevostruev and Zakhariy Krotov in the autumn of 1803. However, these translations were not sent to the Synod, as a result of which they remained unknown. It was believed that these texts were not translated into the Udmurt language. The found manuscript is the original translation, executed by the hands of the translators themselves; the text of the translation contains corrections made in the process of working on the translation and reflecting their creative search. Thus, the early text in the Udmurt language, whose authorship and history of creation are reliably known, is introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Udmurt language, translation, manuscript, writing monument, Christian text, prayer, translator.

For citation: Turanov A. A. The monuments of Udmurt writing: unknown translations of «The Prayer for Sleep» and of «The Fiftieth David's Psalm» // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2020; 10 (2): 332–339.

Введение

Первые шаги к созданию удмуртской письменности были сделаны в XVIII веке. Научный интерес к процессу становления литературного языка предполагает изучение ранних памятников письменности. Однако связанных текстов на удмуртском языке, выполненных до 1803 г., известно мало – всего три: два коротких стихотворения в честь Екатерины II (1767) и открытия Казанского наместничества (1781), и торжественная речь по случаю коронации Александра I (1801) [2, 41–59].

В начале XIX века российским правительством были предприняты меры к утверждению в православной вере народов, проживавших в европейской части России и в Сибири. В этой связи в 1803 г. в 12 губерниях были выполнены переводы ряда христианских молитв и вероучительных текстов на языки проживающих там народов с целью последующей публикации и использования в миссионерской деятельности. В Вятской губернии были выполнены переводы на удмуртский и марийский языки.

Перевод на удмуртский язык осуществлён в Глазовском уезде. Перечень текстов для перевода был определён указом Вятской духовной консистории от 18 мая 1803 г. и включал в себя «Символ веры», краткий катехизис с десятословием и ещё 15 молитв и тропарей, в числе которых «Пресвятая Троице», «Отче наш», «Молитва на сон грядущим», «Богородице, Дева, радуйся», «Помилуй мя Боже» и др. В составлении перевода приняли участие четыре священника разных сёл: Никифор Невоструев (село Укан), Захарий Кротов (Елово), Стефан Анисимов (Балезино) и Алексей Бабайлов (Полом). Представленный в консисторию удмуртский перевод вместе с марийским, выполненным в Яранском уезде,

и рапортом от имени вятского Преосвященного еп. Амвросия были отправлены в Святейший Синод 28 сентября 1803 г. [1, 103–104]. Однако в то время этот перевод отпечатан не был.

Только в 1885 г. указанный перевод впервые был опубликован с научными целями учёным-ориенталистом Н. И. Ильминским в работе «Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия». Он же первый обратил внимание на несоответствие состава перевода предписанному указом [1, 300].

В начале XX века к исследованию истории перевода религиозных текстов на удмуртский язык обратился П. Н. Луппов. В работе «О первых вятских переводах источников христианского просвещения» он также указывает на несоответствие состава переведённых молитв перечню, определённого указом консистории. В частности, он отмечает, что «оказались *непереведёнными*: 50 псалом, две молитвы (И даждь нам, Владыко, и Богородице, Дево, радуйся) и 14 вопросов из краткого катехизиса...» [4, 7].

Н. И. Ильминский и П. Н. Луппов в качестве источника сведений о вятских переводах 1803 года использовали лишь материалы, обнаруженные в архиве Синода. Это ограничило объём доступных им сведений и не позволило дать объяснение выявленному несоответствию.

К настоящему времени тема вятских удмуртских переводов 1803 года остаётся малоизученной. Современные исследователи, как правило, лишь обозначают своё знакомство с ней, ссылаясь на работы Н. И. Ильминского и П. Н. Луппова. Непосредственно к изучению перевода одного из текстов – молитвы «Отче наш» – обращается филолог А. В. Камитова [2, 64–78]. Но невыясненных вопросов ещё очень много.

¹ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР) Ф. 134. Оп. 1. Д. 33. Л. 20.

Автором проведено исследование истории создания переводов по архивным документам духовного ведомства Вятской епархии². В процессе его реализации установлено, в частности, что утверждения Ильминского и Луппова о неполном переводе катехизиса ошибочны и обусловлены их неверным представлением об оригинале, использовавшемся для перевода [6]. Была обнаружена и ранее неизвестная рукопись с переводом двух молитв, считавшихся непереуведёнными. Это расширяет возможности в изучении становления удмуртского литературного языка

Материалы и методы

В качестве источника базовых сведений использованы работы Н. И. Ильминского [1] и П. Н. Луппова [4], посвящённые переводам вероучительных христианских текстов в начале XIX века, а также монография А. В. Камитовой [2] – одна из последних обобщающих работ по теме. Источником фактических сведений о создании переводов на удмуртский язык в 1803 году в Глазовском уезде Вятской губернии стали делопроизводственные документы Вятской духовной консистории и Глазовского духовного правления, хранящиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР).

В работе использованы историко-критический и общенаучные методы исследования.

Результаты

В делопроизводственной переписке Глазовского духовного правления автором обнаружены документы, свидетельствующие о совместном переводе священниками села Укан Никифором Невоструевым и сёла Елово Захарием Кротовым вечерней «Молитвы на сон грядущим» (по начальным словам – «*Даждь нам, Владыко*») и «Псалма Давыдова пятидесятого» («*Помилуй мя Боже*»). Сделано это было во исполнение консисторского указа в дополнение к переводу, выполненному и уже отосланному в консисторию ранее. Новый перевод был осуществлён осенью 1803 года и тогда же представлен в Глазовское духовное правление. В тексте представленной рукописи перевода оказалось немало исправлений,

поэтому правление направило её дьякону села Елово Василию Зубареву с приказом переписать набело. Обратное в духовное правление «*как подлинник, так и переписанные молитвы*» дьяконом Зубаревым были возвращены при рапорте 26 октября 1803 г.³

Чистовик перевода, переписанный Зубаревым, из Глазовского духовного правления был с рапортом отправлен в Вятскую духовную консисторию 7 ноября 1803 г.⁴ Однако к этому времени все ранее выполненные переводы из консистории уже были отосланы в Синод, и этот – запоздавший – отправлять вдогонку, вероятно, уже не сочли нужным.

Подлинник же перевода «Молитвы на сон грядущим» и 50-го псалма, возвращённый Зубаревым вместе с чистовиком, был оставлен в архиве Глазовского духовного правления и сохранился до наших дней. Но научному сообществу он неизвестен. Этот памятник удмуртской письменности обнаружен автором в 2018 году в ЦГА УР в составе одного из дел фонда Глазовского духовного правления, имеющего шифр ЦГА УР. Ф.134. Оп.1. Д.31. Об этой рукописи перевода и пойдёт далее речь.

Общая характеристика рукописи

Рукопись перевода представляет собой тетрадь в четыре листа размером 35х22 см, составленную из двух согнутых пополам и вложенных один в другой листов писчей бумаги белого цвета с желтоватым оттенком, заполненную рукописным текстом на трёх первых страницах. Каких-либо отличительных признаков (водяных знаков, штампов) бумага не имеет.

В настоящее время рукопись вшита в архивное дело, сформированное в виде книги общим объёмом 224 листа. Место сгиба листов тетради расположено в корешке книги. Сшивка дела выполнена нитками с проколом листов по левому полю на расстоянии 1,5 – 1,7 см от края (корешка книги), что делает затруднительным чтение текста, попадающего в зону сшивки. Два первых листа рукописи, содержащие текст, в составе архивного дела пронумерованы порядковыми номерами 104 и 105 на лицевой стороне в правом верхнем углу, нумерация выполнена простым карандашом; два

² Результаты этой работы изложены автором в отдельной статье «К истории перевода христианских текстов на удмуртский язык в Глазовском уезде в 1803 году», подготовленной к публикации.

³ ЦГА УР. Ф.134. Оп.1. Д.31. Л.103.

⁴ ЦГА УР. Ф.134. Оп.1. Д.31. Л.102.

других (чистых) листа не пронумерованы. Кроме того, на листах имеются ещё две старые нумерации зачёркнутые карандашом, свидетельствующие о неоднократном перемещении рукописи при переформировании архивных дел.

На первой из восьми страниц рукописи размещён русский текст и перевод «Молитвы на сон грядущим»⁵; на второй и третьей страницах расположен русский текст и перевод «Псалма Давыдова пятидесятого»⁶. На первой странице, ниже текста молитвы, имеется общее указание: «Переводили сии молитвы» – после которого исполнители перевода поставили свои подписи в виде скрепы в нижнем поле трёх заполненных текстом страниц. Невоструев по страницам подписался как «Благочинный иерей // Никифор // Уканский», а Кротов – «Священник // Захария // Еловско-Троицкий»⁷. На третьей странице, сразу после текста перевода, сделана запись на латыни о его завершении – «FINIS». Весь текст выполнен чернилами чёрного цвета. Кроме того, на последней восьмой странице рукописи (лист в деле не пронумерован) сверху имеется одиночная надпись «Молитва» в виде заголовка крупными буквами, сделанная коричневыми чернилами.

По расположению на странице перевод обоих текстов исполнен подстрочным способом: русский текст написан с большим (двойным) межстрочным интервалом, а удмуртский перевод вписан в этот интервал над русским текстом. При этом точного соответствия расположения удмуртских слов относительно русских нет, однако в целом предложения перевода за пределы переводимых не выходят. В некоторых случаях, когда перевод получился длиннее переводимого предложения, конец строки перевода несколько смещён вверх, и не уместившееся в одну строку окончание дописано над русским текстом в две строки. В случаях, когда перевод оказался несколько короче переводимого фрагмента текста, в образовавшемся пробеле в строке перевода над русскими словами сделан недлинный прочерк.

Текст выполнен скорописью, характерной для конца XVIII – начала XIX веков, буквами русского

алфавита, за исключением того, что в тексте удмуртского перевода вместо буквы *z*, использована латинская *g* (точно так же, как в «Кратком вотском словаре» З. Кротова [3]). Наблюдается неоднобразное начертание некоторых букв (*в*, *д*, *е* и др.) как одним переводчиком, так и каждым из них. Особо следует отметить, что один из вариантов написания буквы *д* и в русском, и в удмуртском тексте имеет некоторое сходство с начертанием латинской *g*, что может стать причиной замены *g* на русскую *д* при переписке. Современная буква *ё* в рукописи представлена сочетанием двух – *io*. При записи нескольких удмуртских слов употреблены надстрочные знаки: акут (') , гравис (˘) и камора (ˆ) для обозначения ударения, а также ерёк (в виде чего-то среднего между формами ⁷ и ^у) после согласной вместо твёрдого знака.

Рукопись выполнена двумя хорошо различимыми почерками, не особо аккуратными, но вполне разборчивыми, имеющими индивидуальные особенности. Их сопоставление с почерками подписей священников (исполненных в виде скрепы), позволяет заключить, что и русский текст, и удмуртский перевод в большей части написаны Невоструевым. Кротовым же написано только окончание русского текста молитвы (со слов «...и память судеб твоих в себе твердо имуща») и начало псалма (заканчивая словами «...очисти беззаконие мое»); им же первоначально был выполнен перевод первой части того предложения, с которого он начал писать русский текст, и перевод заглавия псалма. Сверка почерков священников по другим документам, содержащим написанные ими тексты, позволяет говорить об их подлинности⁸.

Характер исполнения рукописи (запас чистых листов, чередование почерков, некоторые исправления текста и др.) позволяет утверждать, что это именно подлинник перевода, и он выполнен священниками совместно в непосредственном обсуждении. Можно предполагать также, что русский текст не был записан сразу весь, а вписывался Невоструевым последовательно смысловыми фрагментами (предложениями), которые

⁵ ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 104.

⁶ ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 104об.–105.

⁷ Двумя косыми чертами (//) условно обозначена разбивка текста по страницам в деле.

⁸ Сверка произведена по документам фонда Глазовского духовного правления. В качестве образцов почерка Н. Невоструева были использованы его рапорты в духовное правление по должности благочинного: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 99; Д. 40. Л. 7; Д. 41. Л. 122; Д. 42. Л. 109, 112, 113.

В качестве образцов почерка З. Кротова использованы его подписи типа «Села Еловского Троицкой церкви священник Захария Георгиев сын Кротов» в рапортах, подписных листах об ознакомлении с указами и др.: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31. Л. 92; Д. 34. Л. 146 об.; Д. 73. Л. 100; Д. 109. Л. 217 об. Попытка использовать в качестве образца почерка Кротова факсимильное издание его «Краткого вотского словаря» [3] привела автора к неожиданному наблюдению: представленный в издании словаря текст выполнен почерком, значительно отличающимся от почерка Кротова в документах – более выработанным, аккуратным и ровным. Возможно, для написания чистовика словаря Кротов воспользовался помощью переписчика.

затем сразу же и переводились. Вероятно, в какой-то момент он, не дописав до конца предложение русского текста, вынужден был отвлечься от перевода. Тогда Кротов перевёл уже написанную часть предложения, а затем начал вписывать текст русского оригинала. Вписав молитву до конца, он с новой страницы написал название псалма, сделал его перевод, и затем продолжил вписывать русский текст. Вернувшись к работе, Невоструев исправил перевод Кротова, вписал перевод над написанным им русским текстом, и далее вновь стал писать как русский текст, так и удмуртский перевод.

Сам по себе этот небольшой фрагмент перевода – исправленный Невоструевым перевод Кротова – интересен тем, что показывает некоторые особенности каждого из переводчиков. Так текст «возстави же насъ во время молитвы утверждены в заповедяхъ твоихъ» Кротов перевёл следующим образом: «састы но милемзе восяскон дыръя юнматеміосзе тынадъ косоцънядъ пучказь»; в редакции Невоструева этот же текст выглядит так: «састембере но юнматы милемезъ восяскон дыръя заповедынь тынадъ». Название псалма Кротов перевёл как «Кырѣзь Давыдлѣнь витьдасѣтъ», Невоструев исправил на «Кырѣзь Давыдлѣнь витьдасѣтъ».

Необходимо отметить, что значительное количество исправлений имеется и во всем остальном тексте рукописи. По характеру исполнения их можно объединить в несколько групп: 1) зачѣркивание; 2) зачѣркивание с написанием выше другого слова; 3) исправление буквы написанием на её месте другой буквы большего размера; 4) вписывание слова или окончания над (или под) пробелом между словами; 5) вписывание пропущенной буквы над местом, где она должна быть в слове; 6) изменение порядка слов написанием над ними арабских цифр 1 и 2. Встречаются и сочетания различных исполнений в одном месте. Значительная часть этих исправлений есть отражение творческого поиска, проделанного переводчиками в процессе работы.

Поскольку описываемый перевод науке не известен, его опубликование для ознакомления и изучения всеми заинтересованными лицами весьма актуально. Русский текст в рукописи несколько отличается от современных изданий⁹ (хотя и незначительно), поэтому имеет смысл привести и его.

Ниже публикуются тексты молитв и их удмуртские переводы с учётом имеющихся в рукописи

исправлений. При этом сохранены орфография рукописи, сочетание *іо* и латинская буква *g*, знаки ударения над буквами (акут, гравис, камора) и твёрдый знак в конце слов, ставившийся в соответствии с правилами русского правописания в XIX веке; ерѣк заменён апострофом ('). В то же время начертание букв выполнено единообразным, а неиспользуемые в настоящее время буквы кириллицы «ять» (ѣ) и «и-десятиричное» (і) заменены на «е» и «и». Пунктуация приведена в соответствии с рукописью; так же показаны места прочерков в переводе (_). Попавшая в сшивку дела (в прокол) и непрочитанная часть одного слова обозначена многоточием в угловых скобках (<...>). Для удобства сопоставления оригинала и перевода показана разбивка текста рукописи на строки: конец каждой строки обозначен косой чертой (/); конец текста на странице обозначен двойной косой чертой (//); начало новой страницы обозначено в круглых скобках её номером в соответствии с нумерацией листов в архивном деле ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 31.

(Л. 104) **Молитва на сонъ грядущимъ.** /

Даждъ намъ, Владыко! На сонъ грядущимъ / покой тела и души, и сохрани насъ / отъ мрачнаго сна и греховнаго, и отъ всякаго / темнаго и ношнаго сладострастия, укроти стремление / страстей, угаси разженные стрелы лукаваго, / яже, на ны лстивно движимыя, плоти / наша восстание утоли. И всякое земное / и вещественное наше мудрование успи / и даруй намъ Боже бодръ умъ, целомудръ / помысль, сердце трезвящееся, сонъ легокъ / и всякаго сатанина мечтания изменень: / возстави же насъ во время молитвы утвер- / жденны в заповедяхъ твоих, и память судьбъ / твоихъ в себе твердо имуща: всеношное славословье / намъ даруй во еже пети и благословити и славити / пречестное и великолепое имя твое Отца и Сына / и Святаго Духа ныне и присно и во веки / вековъ. Аминь. //

(Л. 104) **Восясконъ изіонне мынысьіослы.** /

Сіотъ милэмъ владыкоэ! Изіонне мынысьіослы / чидѣтъ сконзэ сыльвирлыно луллыно, возно милемэзъ / уродъ сялыко вѣзмезлэзъ уйдыръя / вицягъ но накаськон мылпотемлэзъ востемъ – каръ / сялыканы мылкытзэ кысъ кидаскемъ нельліоссе шайтангълесъ / кудыззэ ми выламъ лиятыскиса лезэ алыскот милямъ / сыльвирленъ вырземзэ _ Вицягъ музьемъ но / биръ но котырысь милямъ цяклазь конме изыты / сіотъ но милемъ

⁹ Сравнение произведено с текстами: Молитва на сон [5, 620] и Псалом 50 [5, 49–50].

инмарэ цирькемъ визь тиза / цяклянъ садъ сюлемъ
кати умъ ___ / вицягъ но шаитанъ пэртмамлены-
зъ сурамтэ / сазстемъ бере но юнматы милемезъ
восясконъ дыръя / заповедынь тынадъ медам но
вунеты / тынадъ вордемъде ___ уйбытанъ медъ
/ восяскыса ми цирдаскомъ но тау карыском /
но славазъ но сотыском дзець но таза но ни-
мыдлы ашленъ но пиезленъ но / святой луленъ но
кально яламъ но пранъ, пранозено / ___ аминъ. //

(Л.104 об.) **Псаломъ Давыдовъ пятьдесятый** /

Помилуй мя Боже по велицей милости твоей, /
и по множеству щедротъ твоихъ, очисти беззакон-
ние / мое. Наипаче омой мя отъ беззакония моего
/ и отъ греха моего очисти мя. Яко безъза- / коние
мое азъ знаю, и грехъ мой предо мной / есть выну.
Тебе единому согрешихъ и / лукавое предъ тобою
сотворихъ. Яко да / оправдишися во словесех тво-
ихъ и победиши / внегда судити ти. Се бо в безъза-
конияхъ за- / чать есмь и во гресех роди мя мати
моя. / Се бо истинну возлюбилъ еси, безъвестная /
и тайная премудрости твоя явилъ мя еси. / Окро-
пиши мя Иссопомъ и очищуся; омыеши / мя, и
паче снега убелюся. Слуху моему / даси радость
и веселение, возрадуются кости / смиренныя. От-
врати лице твое от грехъ / моихъ и вся беззакония
моя очисти. / Серце чисто созижди во мне Боже! //

(Л.105) И духъ правый обнови во утробе моей. Не
отвержи / мене отъ лица твоего и духа твоего свя-
таго / не отыми отъ мене. Воздаждъ ми радость
/ спасения твоего, и духомъ владычнымъ утверди
мя. / Научу безъзаконныя путемъ твоимъ и нече-
стивии / к тебе обратятся. Избави мя отъ кровей
/ Боже! Боже! Спасения моего, возрадуется языкъ
/ мой правде твоей. Господи! Устне мои / от-
верзеши, и уста моя возвестятъ хвалу твою. / Яко
аще бы возхотелъ еси жертвы, далъ быхъ / убо,
всесожжения неблаговолиши. Жертва Богу / духъ
сокрушень, сердце сокрушенно и смиренно / Бог
не уничижитъ. Ублажи Господи! Благоволением /
твоимъ сиона и да созиждутся стены иерусамские
/ тогда благоволиши жертву правды возношение
/ и всесожигаемая, тогда возложить на олтарь /
твой тельцы. //

(Л.104 об.) **Кырэзъ Давыдлэнъ
вительдасъти.** /

Жаля мене буркаръинъ Инмарэ! бытцызъ
милость поннадъ тунадъ / у но дзець мылкыдъ
поннадъ сюзя катъ темъ / лэзтемме. Укаты-
нъ мыски каттемъ лестемме мынам / сялыкъ
юслесъ но мынам сюзя монэ сопонна угъ катъ-
темъ лестемме ацимъ тоцко сялыке но мынамъ
яламъ / монъ азямъ уванъ аслыдъ гинэ монъ ся-
лыкян / арекиясконъ но азядъ кары. Со понна

м<...> / тонъ асъ кыленыдъ шонерцкодъ медъ
икъ vormодъ / тэрэ каронъ дыръядъ тинъ угъ
монъ катъ темъ / лестемынъ сялыканызъ но мы-
нам муми монэ ворцкытизъ / тинъ угъ озъ земзе
яратидъ тодэмтезъно / верамтезъно мудыры-
едленъ мынымъ возматидъ / пазгалодъ мене
Иссопенъ, дунъ но луо; мыскодъ / монэ укатаикъ
лымылесъ теди луо. Мынамъ кылземлы / сѳотодъ
шулдырзено шумпотемзено шуметыскозы ___ /
возьтемъ лыосмы. Берга мынамъ сялыкъюс'ле-
съ / бамде тынадъ выць но каттемъ лестемме
маялля / Сюлме монъ пучкамъ дунъ каръ Инмарэ!
// (Л.105) Шонеръ лулмено кетъ пучкамъ выль
каръ. Енъ аналты / монэ тынадъ бамъ азисъ
святъ лулде но / монесътымъ энъ басъты сѳотъ
мынымъ шулдырзе / мостэн'ленъ тынадъ асаба
лулэныдъно юнматъ монэ / дышато нимотэмъ-
юсъ тынадъ сюреслы. Крыжъ муртъюсъ / но
тонъ доридъ бертозы. Возма монэ виръюслесъ
/ Инмарэ! Инмарэ! Мостысе мынам! Шумпото-
зъ кыль / мынамъ шонеръ поннадъ остэ! Ымъ
дуръюсме / устодъ ымъ но мынамъ ушыяса тоне
вералозъ. / Сопонна угъ мыл'потысалке тынадъ
восянъ сѳонлы туж сѳотысаль / но сойзэ тонъ
удьяратыски Шонеръ восянъ Инмарылы / луль
возьтемъ сюлемъ возьтемъзе но канильзено / Ин-
маръ узъ аналты. Осты! Буркаръ дзець мылкы
/ деныдъ сѳонъ палазе, медъ но быдесътыскозы
Иерусалимъ бордъюсъ / соку угъ яратодъ шонеръ
восянзе земель джутемзе / но выць сутскемзе-
но, соку понозы восясконъ интиадъ / ошыюссэ. //

Обсуждение и заключение

Никифор Невоструев и Захария Кротов назва-
ны Н. И. Ильминским в числе создателей того
удмуртского перевода христианских текстов,
который был выполнен несколькими месяцами
ранее, отправлен 28 сентября 1803 г. из Вятской
духовной консистории в Синод, и который при-
ведён в его книге. Однако, прежде чем попасть на
страницы книги Ильминского, тексты перевода
были неоднократно переписаны и прошли через
типографский набор – на каждом из этапов этого
пути в них могли быть внесены какие-то искаже-
ния относительно оригинального варианта.

В то же время логично предполагать, что, ис-
полняя новый перевод, Н. Невоструев и З. Кро-
тов придерживались тех же правил, что и раньше,
использовали опыт своей предыдущей работы и
ранее сделанные наработки.

В этой связи для исследователя может пред-
ставлять интерес появляющаяся возможность
сравнить перевод, опубликованный Ильминским,

с переводом, приведённым выше. Например, даже беглый просмотр перевода в книге Ильминского позволяет заметить, что латинская *g* в нём не используется. Пытаясь понять в чем тут дело, выберем для сравнения из перевода «Молитвы на сонъ грядущимъ» слово *вицягъ* (всякий). В книге Ильминского это же слово обнаруживается 6 раз, причём 1 раз оно записано как *вицягъ* [1, 296], а 5 раз как *вицядь* [1, 298–300]. С высокой вероятностью можно предполагать, что в оригинале перевода слово было написано как *вицягъ*, а замена *g* на *д* произошла при переписках и публикации из-за незнания особенностей перевода и отмеченного выше сходства написания этих букв.

Таким образом, вводимый в научный оборот перевод может успешно использоваться в качестве образца сравнения при изучении других близких по времени удмуртских текстов.

В заключении можно констатировать, что обнаружен и вводится в научный оборот весьма ценный памятник удмуртской письменности начала XIX века: ранее неизвестная рукопись пе-

ревода на удмуртский язык вечерней «Молитвы на сон грядущим» и «Псалма Давыдова пятидесятого», выполненного осенью 1803 г. В отличие от всех известных обезличенных текстов авторы этого перевода установлены: это священники села Укан Никифор Невоструев и села Елово Захарий Кротов. Более того, в данном случае мы имеем дело не с копией, прошедшей через руки переписчиков, вычищенной и отредактированной, а с оригинальной рукописью, написанной собственными руками переводчиков, содержащей исправления, отражающие их творческий поиск, и позволяющей судить о самом процессе работы над переводом.

Отражённый в рукописи переводческий опыт Н. Невоструева и З. Кротова в перспективе может быть использован как образец для сравнения при изучении удмуртских переводов ряда других христианских текстов, выполненных в Глазовском уезде в первой четверти XIX века, а также как своеобразный ключ для их собственной идентификации в качестве авторов переводов.

Список источников и литературы

1. Ильминский Н. И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань: Тип. Ун-та, 1885. 356 с.
2. Камитова А. В. Переводная литература христианского просвещения на удмуртском языке XIX – начала XX в.: история развития, жанровое своеобразие и переводческие стратегии. Ижевск: Шелест, 2017. 218 с.
3. Кротов З. Удмуртско-русский словарь: около 5000 слов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 308 с.
4. Луппов П. Н. О первых вотских переводах источников христианского просвещения. Казань: Центральная типография, 1905. 25 с.
5. Молитвенный щит православного христианина. Воронеж: МОДЭК, 2000. 704 с.
6. Туранов А. А. К истории перевода христианских текстов на удмуртский язык в 1803 г.: перевод катехизиса // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019. № 2(7). С. 97–102.

References

1. Ilminskiy N. I. *Opyty perelozheniya khristianskikh verouchitel'nykh knig na tatarskiy i drugie inorodcheskie yazyki v nachale tekushchego stoletiya* [Experiments of translation of Christian doctrinal books into the Tatar and other foreign languages at the beginning of this century]. Kazan: Tin. Un-ta Publ., 1885. 356 p. (In Russian)
2. Kamitova A. V. *Perevodnaya literatura khristianskogo prosveshcheniya na udmurtskom yazyke XIX – nachala XX v.: istoriya razvitiya, zhanrovoye svoeobrazie i perevodcheskie strategii* [Translated literature of Christian enlightenment in the Udmurt language of the XIX – early XX centuries: history of development, genre originality and translation strategies]. Izhevsk: Shelest Publ., 2017. 218 p. (In Russian)
3. Krotov Z. *Udmurtsko-russkiy slovar': okolo 5000 slov* [Udmurt-Russian dictionary. About 5000 words]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 1995. 308 p. (In Russian)
4. Luppov P. N. *O pervykh votskikh perevodakh istochnikov khristianskogo prosveshcheniya* [About the first Votyak translations of the sources of Christian enlightenment]. Kazan: Tsentralnaya tinografiya Publ., 1905. 25 p. (In Russian)
5. *Molitvennyy shchit pravoslavnogo khristianina* [Prayer shield of an Orthodox Christian]. Voronezh: MODEK Publ., 2000. 704 p. (In Russian)
6. Turanov A. A. *K istorii perevoda khristianskikh tekstov na udmurtskiy yazyk v 1803 g.: perevod katekhizisa* [To the history of translation of Christian texts into the Udmurt language in 1803: translation of the Catechism].

Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region], 2019, no. 2 (7), pp. 97–102. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Туранов Андрей Алексеевич, ООО «Горизонт», ведущий инженер-конструктор; магистр истории, член Российского общества историков и архивистов (426038, Удмуртская Республика, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Ракетная, д. 23, кв. 19).

at63@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-1573-8932

ABOUT THE AUTHOR

Turanov Andrey Alekseevich, Leading Design Engineer, Gorizont Ltd. (426039, Russian Federation, Republic of Udmurtia, Izhevsk, Depovsky proezd, 3); Master of History, Member of the Russian Society of Historians and Archivists (426038, Russian Federation, Republic of Udmurtia, Izhevsk, Raketnaya st., 23, apartment 19).

at63@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-1573-8932